

Д. В. Васильев**Н. А. Мазаев****Семиреченская область глазами имперского чиновника: государственные, социальные и частные аспекты в мемуарах К. К. Палена**

Основным источником статьи являются мемуары сенатора К. К. Палена, который лично объездил Туркестанский край в конце первого десятилетия XX века. Использование этого документа позволяет более конкретно представить себе точку зрения, с которой высокопоставленные российские чиновники оценивали регион, его жителей, итоги реализованных преобразований и планы на дальнейшую модернизацию края. Территориальные рамки исследования ограничиваются Семиреченской областью, населенной кочевым населением, в ее описании четко прослеживается ориенталистский взгляд авторов мемуаров, не оставляющий возможности для объективного восприятия реалий российского Востока. Проведенный анализ документов в трех аспектах (служебном, частном и коллективном) убеждает в превалировании ориенталистского концепта в умах высокопоставленных российских чиновников при планировании и осуществлении преобразований, нацеленных на полноценную ассимиляцию Туркестана Российской империей.

Ключевые слова: Семиречье, ориентализм, Центральная Азия, Российская империя, К. К. Пален, мемуары, казахи.

Введение

Документы и материалы ревизии Туркестанского края сенатором К. К. Паленом широко известны и активно используются в исследованиях по истории Центральной Азии [1; 4; 11; 15]. При этом вне поля зрения специалистов часто оказываются его мемуары, составленные в 1922 г. и опубликованные на английском языке в 1960 г. [17]. В настоящей статье предпринята попытка проанализировать одну из глав этих воспоминаний с целью выяснить позиционирование кочевой области Туркестанского генерал-губернаторства имперским чиновничеством и выделения различных аспектов этого восприятия, которые в купе влияли на формирование имперской политики в регионе.

Анализ деятельности российских чиновников через исследование их мемуаров имеет серьезную традицию в отечественной историографии [5; 6; 12—14]. В контексте же поставленной проблемы значительный интерес представляют работы Н. Б. Махмудовой [9; 10], построенные вокруг основного источника настоящей статьи, который прежде использовал А. Моррисон в работе о попытке трансформации шариата российской администрации [16], а позднее был исследован в монографии Т. В. Котюковой [7].

Настоящую публикацию можно рассматривать отчасти как продолжение статьи Д. В. Васильева [2], главной особенностью которой является оценка позиции автора мемуаров. Четкий ориенталистский концепт, определяющий характер мемуаров графа К. К. Палена, не оставляет места объективному взгляду на сложившуюся местную культуру и быт, что и подчеркивается автором статьи.

Основным источником исследования являются уже упомянутые мемуары сенатора К. К. Палена, уникальность которого состоит в том, что их автор — высокопоставленный чиновник, в чью компетенцию входило не только проведение ревизии региона, но и выработка основ для эволюционных изменений в деле управления Русским Туркестаном. Особенность этого источника заключается также и в том, что он был составлен в начале 1920-х гг., спустя более десяти лет с момента ревизии. А потому основное место в мемуарах занимают самые значимые и яркие характеристики и события из жизни региона. Прошедшие с момента ревизии годы дают надежду на большую объективность текста,

© Васильев Д. В., Мазаев Н. А., 2021

ведь за этот срок сенатор имел возможность многое переосмыслить. Безусловно, в некоторых местах точность подаваемой информации может быть подвергнута сомнению. Во многом это объясняется тем, что мемуары диктовались по памяти. Однако данный источник демонстрирует общее представление высшего чиновничества о российском Востоке, модернизированном с приходом Российской империи.

В качестве дополнительного иллюстративного материала привлекаются воспоминания князя И. С. Васильчикова [3], одного из участников ревизии Туркестанского края. Они позволяют дополнить визуальный образ синкретичности крупных туркестанских городов того времени, удерживавших в функциональном единстве проявления различных городских культур.

Методологически статья опирается на концепцию ориентализма, предложенную Э. Саидом [18]. Термин «ориентализм» подразумевает оценочное, чаще необъективное отношение Запада к Востоку. Согласно этой концепции, взаимоотношения двух сторон основывались на образе Востока, сконструированном Западом в своих целях. Таким образом, Восток оценивается сквозь призму западного мировоззрения. Именно такое отношение находило отражение в имперской политике относительно своих территорий, населенных представителями и носителями восточных ценностей.

Итак, в центре внимания настоящей статьи воспоминания сенатора Константина Константиновича Палена, возглавлявшего в 1908—1910 гг. ревизию Туркестанского генерал-губернаторства. Мемуары государственных деятелей начала XX века действительно представляют собой многогранное комплексное явление, сочетающее в себе чиновничью и личную позиции автора, сумму оценок и взглядов автора как государственного служащего и отдельно взятой личности со свойственной только ей системой ценностей, убеждений и стереотипов на конкретное историческое событие, явление общественной жизни или какую-либо служебную ситуацию. Мемуары К. К. Палена посвящены инспекционной поездке сенатора в Туркестанский край, а потому несут на себе мощный отпечаток коллективного восприятия Востока представителями европейской цивилизации, к которым относили себя все представители читающей российской публики. Это восприятие, известное после знаменитого труда Э. Саида как ориентализм, накладывало отпечаток (если не было лидирующим) не только на отношение имперских властей к Востоку, но и на формирование всей восточной политики Российской империи.

Чтение мемуаров К. К. Палена наталкивает на мысль, что автор, надиктовывая ту или иную главу, выделял какую-то одну из черт местной действительности, отмеченную во время ревизии. Известно, что сенатор дал негативную оценку качеству функционирования местного госаппарата. И, следуя правительственному курсу на административную унификацию империи, предлагал передать Туркестанский край из ведения Военного министерства в Министерство внутренних дел на общем основании, обосновывая это «низкой эффективностью устройства системы областных учреждений управления края; неудовлетворительностью кадрового состава областных учреждений управления края» [8, с. 128, 130]. Но вопрос о злоупотреблениях администрации К. К. Пален сделал основным в главе, посвященной Закаспийской области [17, с. 174—230]. А в центре главы «Семиречье» оказался рассказ о трансформации местной повседневности в результате взаимодействия европейской (русской) и кочевой цивилизаций. Статья посвящена именно этой главе мемуаров К. К. Палена, где экс-сенатор вспоминает свое пребывание в кочевой Семиреченской области в аспектах государственного, частного и коллективного восприятия.

Образ Семиречья: государственное восприятие

Интересно, что свой рассказ о Семиречье К. К. Пален, после краткой физической характеристики области, начинает с истории ее заселения русскими. Он вспоминает рас-

сказ одного из сибирских казаков, который последовал призыву властей и переселился с семьей из своей станицы в Семиречье. Сибирская администрация предлагала станицам выделять для этой цели без ущерба собственному хозяйству определенное количество людей для переселения в новый регион. Переселенцам обещали плодородные земли, на которых можно будет успешно вести хозяйство. Этот казак вместе с дюжиной товарищей семьями переехали в станицу на реке Или. Им было предписано в течение 3 лет построить жилье и собирать количество кукурузы и овса, трижды превышающее годовые потребности их семей и домашнего скота. Казаки вынуждены были проводить в поле дни и ночи, отбиваясь от местных казахов, периодически разорявших их владения. Прошло десять лет, прежде чем жизнь стала сноснее [17, с. 177].

Сам же Пален застал эту деревню в цветущем состоянии. Каждая семья владела крупным рогатым скотом и лошадьми. Крепкие и чистые дома переселенцев были огорожены заборами. В некоторых из них сенатор запомнил пианино. Дети казаков были отправлены на учебу в гимназии или университеты [17, с. 178].

Обращаясь же к общей характеристике переселенцев, сенатор не скрывает, что в багаже многих из них были в лучшем случае нераскрытые дела, по которым их ожидало преследование. Тут же граф Пален отметил специфику производства следствия на имперских окраинах: там, в отличие от Европейской России, оно велось менее тщательно. Местные власти регистрировали каждого под любым именем, не проявляя интереса к прошлой жизни человека. А потому многие стремились в такие места для того, чтобы начать свою жизнь заново [17, с. 179].

Постепенно поселенцы продвигались все дальше и дальше. Некоторые вступали в контакты с местным населением, арендовали их земли за бесценок и начинали вести фермерское хозяйство. Среди пришлых было довольно много торговцев, которые по дешевке выкупали продукцию у коренных жителей и получали впоследствии недюжинные прибыли [17, с. 179].

С развитием переселения Пален связывал изменения в животноводстве. Условия в регионе всецело способствовали этому виду хозяйствования. Пригодные для выпаса скота обширные поля, густо поросшие травой, сдавались переселенцам в аренду манапами¹ [17, с. 178], которые, по словам Палена, только содействовали этому. Контекст этого фрагмента подталкивает к мысли о том, что сенатор усматривал в этом злоупотребление, мешавшее добрососедскому отношению в степи и доверию к властям со стороны рядового коренного населения.

Первый военный губернатор Семиреченской области Г. А. Колпаковский уделял огромное внимание русской колонизации края. В каждом уезде он основал сельскохозяйственные училища с целью подготовки специалистов, которые способствовали бы просвещению приезжего и местного населения в деле ведения хозяйства. В этих училищах особое внимание уделялось шелководству, бортничеству, а также садоводству. Лучшие сорта фруктовых деревьев были завезены из Тироля, Германии, Франции. Благо что почва располагала к этому виду деятельности. По словам Палена, самые большие и самые лучшие яблоки и груши, которые он когда-либо ел, были в Семиречье [17, с. 180—181]. Добавим от себя, что традиции садоводства не изжиты до сих пор. Крупнейший город современного Казахстана Алма-Ата ('отец яблок' — каз.) до сих пор славится своим знаменитым апортом.

¹ Манапы — родовые лидеры у кочевников Центральной Азии. В первые годы российского присутствия были интегрированы в новую административную систему, но с конца 1860-х гг. сохраняли лишь неофициальное влияние в кочевой среде. Скорее всего, К. К. Пален под этим термином понимает представителей родовой аристократии и у киргизов, и у казахов.

Совершая небольшой исторический экскурс в историю земельно-водных отношений в Туркестане, К. К. Пален заметил, что до прихода Российской империи вся земля находилась в ведении мусульманских правителей — ханов и эмиров. Легитимность этих владений обеспечивалась шариатом, который разделяет право владения и право пользования: пользователем считался тот, кто дал этой земле жизнь, т.е. обрабатывал ее. Такой человек был обязан платить владельцу десятину со своих доходов [17, с. 190].

Обладание водными ресурсами делало человека владельцем земли, по которой текла вода. Это привело к тому, что не сложилось четкое разграничение между земледельцем и скотоводом, а потому представители обеих групп воспринимались как владельцы земель. Еще одной сложностью было то, что пользователи земель при обращении к властям оперировали такими понятиями, как «моя земля, мое пастбище» [17, с. 190]. И большинство дел, касающихся в том числе и земельного вопроса, велось между администрацией и манапами. Из-за этого у российского чиновничества сложилось неверное представление о том, что степь представляла собой латифундистскую агломерацию, частями которой владели отдельные «лорды» [17, с. 190]. Поскольку такая ошибка повторялась в официальных документах, пользователи земель со временем стали считать себя ее владельцами.

Новый орган управления, которым стало Переселенческое управление, не зависел от генерал-губернатора. Работавший там персонал имел взгляды, прямо противоположные тем, на которых базировалось традиционное право землевладения в регионе. Как утверждал К. К. Пален, они были фанатиками, стремившимися смешать доктрину К. Маркса с местным правом, на котором основывалось владение земельной собственностью [17, с. 191]. А недавно присоединенный регион казался им замечательным полем для подобных экспериментов. Они хотели разделить земли на части и дать каждому трудящемуся земельный участок. «На бумаге ничего не могло быть проще», — заключил Пален [17, с. 191].

Свое место в мемуарах сенатора нашло и описание организации первичной администрации казахов. На каждой зимовке несколько близких семей ставили юрты рядом друг с другом — так образовывался аул. Старейший человек из этих семей автоматически становился его главой. Несколько аулов могли объединиться в клан, глава которого избирался по тому же принципу. Такие люди назывались манапами или султанами. Объединение кланов, в свою очередь, возглавлял султан или хан [17, с. 207]. Такой образ жизни был присущ не только казахам, но и калмыкам и имел вековой уклад.

В своих воспоминаниях граф Пален отметил, что приход России в первое время ничего не изменил. Однако либеральный дух 60-х годов XIX века принес модернизацию и в этот регион. Право старшинства было упразднено, его сменила выборность власти. Согласно европейской практике были разделены законодательная и административная ветви власти. Теперь решения глав родов должны были получать одобрение независимых народных судей, которые получали роль финального арбитра в спорах. Однако по новым принципам были избраны старые люди. Казалось, что все вернулось к тому, с чего было начато. Манапы, нередко путем подкупов или пустых обещаний, получали свои должности. Несмотря на это, у них появилась сильная оппозиция. Это заметил и сам сенатор: во время ревизии к нему поступило множество жалоб на подобных лиц.

По мнению Палена, определенную нестабильность в жизнь области внесло Переселенческое управление и его безжалостная политика изъятия земель у коренного населения. Это подорвало доверие казахов к представителям власти вообще. Он вспоминал, что в своем отчете императору рекомендовал наделить казахов правом владения землей и окрестностями, отведенными под зимовки, однако столкнулся с противодействием Пе-

реселенческого управления, деятельность которого во многом спровоцировала переселение казахов из Семиречья в другие регионы, в том числе в Китай [17, с. 208].

Сравнивая свое пребывание в южных частях Туркестана с Семиречьем, сенатор подчеркивал разительный контраст. Здесь, в Семиречье, административный аппарат был устроен по-европейски. Город управлялся выборным коллегиальным органом из 20 человек — городской думой, а также городской управой — исполнительным органом власти из 5 человек, возглавляемых головой. Они прекрасно справлялись со своей работой. Улицы были вымощены, рабочие жили в хороших условиях, работал госпиталь и школы. Главной проблемой, как и везде, была деятельность Переселенческого управления. На первый взгляд, город был очень современным, довольно либеральным [17, с. 199]. Однако все это оказалось не более чем пылью, брошенной в глаза. Старший офицер Семиреченского переселенческого управления жаловался Палену, что местные власти отнюдь не содействуют политике переселения русских людей в регион. Но проведенное расследование показало, что каждый случай возникавшего недопонимания между коренным и пришлым населением или властями был результатом деятельности переселенческих властей, сгонявших казахов с их земель и размещавших на их местах приезжих [17, с. 199].

Причинялся ущерб и казне. Каждому переселенцу выдавалась льготная ссуда на 10 лет в размере 100 рублей. Многие из них уезжали, продав свое хозяйство, еще до истечения этого срока. Стоит заметить, что обычная семья с несколькими детьми и родственниками брала в среднем около тысячи рублей. На их место приезжали новые люди, многие из которых вели себя точно так же. Даже один из руководителей семиреченского переселения был замешан в мошенничестве: он зарегистрировал и выдал ссуду человеку, который никогда не был в Семиречье, а его деньги присвоил себе. Этот офицер был правой рукой заведующего Семиреченским областным переселенческим управлением С. Н. Велецкого, который, в свою очередь, делал все возможное, чтобы оправдать действия своего подчиненного. Сенатор предал эти схемы огласке [17, с. 200].

Оценивая свое пребывание в Семиреченской области с точки зрения государственного служащего, К. К. Пален обращает внимание на те изменения в землеустройстве, землепользовании, общественном устройстве, которые произошли там под влиянием российской администрации. При этом он не только подчеркивает прогрессивное, на его взгляд, влияние привнесенного европейского начала, но и отмечает негативные последствия непродуманных действий центрального правительства и местного русского начальства. Однако весь текст сенатора подспудно, а то и явно пронизан идеей превосходства Запада над Востоком, что свидетельствует о том, что, несмотря на стремление вникнуть в современное состояние Туркестанского генерал-губернаторства, ревизующий сенатор находился под влиянием европейских стереотипов о Востоке.

Образ Семиречья: частный опыт

К. К. Пален вспоминал, что казахи учились у русских новым принципам животноводства: заготовке сена и составлению запасов на зиму. Как бы удивительно это ни звучало, но изначально казахи, по словам графа Палена, восприняли эти занятия как «грандиозную шутку»: «Разве Господь не для того дал копыта животным, чтобы они могли откапывать из снега траву?» [17, с. 179]. Но когда степь покрылась коркой льда, которую их животные были не в состоянии пробить, казахи познали настоящее горе. Настал джуг. Их животные пали сотнями, в то время как скот русских поселенцев спокойно пережил зиму на заготовленном летом сене. Несколько десятилетий прошло, прежде чем такой способ ведения хозяйства переубедил казахов внести изменения в культуру скотоводства. И к приезду Палена практически все уже имели в своем инвентаре купленные у русских косы, а в некоторых хозяйствах были даже сенокосильные машины [17, с. 179].

Еще одной сельскохозяйственной отраслью, но уже совершенно новой для местного населения, являлось бортничество. Зимы в Семиречье были короткими, а потому пчелы трудились девять и более месяцев в году. Ко времени сенаторской ревизии мед стоил 6 копеек за фунт, но, по словам сенатора, даже по такой цене его продажа приносила хороший доход. Пален вспомнил, что в Верном встретил простого русского крестьянина, в собственности которого было 1200 ульев. Не трудно представить, какой доход он имел. А потому казахи не замедлили окунуться в новое для себя предприятие. Будучи как-то на охоте, граф встретил казаха, который хвалился своими владениями в 600 ульев и несколькими гектарами гречихи [17, с. 179].

Кроме вполне очевидных замечаний, вызванных профессиональной деятельностью ревизирующего сенатора, мемуары К. К. Палена запечатлели вполне житейские истории. Одна из них связана с подготовкой путешествия через Копал в Джаркент, затем в Каркару, Пржевальск, Буамское ущелье и назад в Ташкент через Каратау. Походный караван состоял из пяти троек [17, с. 185]. Все необходимые походные принадлежности — кастрюли, сковороды и чайники — были обложены сеном и уложены в ящики. Такая подготовка вызвала шок у личного повара графа, который еще до первой остановки разломал эти самые ящики, а их содержимое раздал набранным из местных джигитам. «Трудно представить, что может быть нелепее, чем эти диковатые сыны пустыни, пытающиеся удержать в своих руках кофейницу или какую-либо другую утварь» [17, с. 186]. Описание отъезда Пален начинает со своего служащего-казаха. Тот был одет в кафтан сродни халату, перетянутый широким поясом. Головной убор белого цвета по форме напоминал бумажный кораблик, который каждый мастерил в детстве. Его кончик был обшит широкой черной материей, которую предпочитали местные погонщики и которая их таким образом идентифицировала.

Качество дорог, проложенных в регионе, Пален описывает емким выражением: «Самая худшая дорога в Западной Европе лучше любой, которую можно встретить в Туркестане» [17, с. 186]. Сенатору ничего не оставалось, как сделать вывод: дорога — не подходящее слово для такого пути. Это скорее колея, ведущая в нужном направлении. В итоге практически на каждой остановке тарантас сенатора подвергался каким-то ремонтным работам, что привело к оплате солидного счета за все починки.

На выезде из Кабул-Сая команда Палена пересеклась с выездом волостного управителя, возглавлявшего одновременно и местную полицию, а потому его сопровождала большая группа вооруженных всадников, выглядевшая довольно комично. Будучи сыном богатого киргизского манапа, глава кавалькады счел своим долгом передвигаться верхом в тени огромного шелкового зонта, который нелепо контрастировал с его бархатным кафтаном, расшитым золотом. К тому же он был увешан оружием, словно гирляндами [17, с. 187]. Одним словом, попытка создать внушительный вид может и действовала на местное население, но европеец Пален довольно скептически отнесся к такому способу самоутверждения.

Значительное место в своих мемуарах сенатор уделил описанию жизни и быта казахов. Он подчеркнул, что весь образ жизни казахов строился на адате [17, с. 206], который регламентировал их общественную и экономическую жизнь. Казахи жили тесно связанными семьями, образовывавшими роды. Глава такого рода (как и глава одной семьи) обладал высшими полномочиями. Экономические решения всецело зависели от того, какое мнение по каждому вопросу высказывал глава семьи или рода. Покупка, продажа, аренда земли и т.п. зависели от его слова [17, с. 206]. Кочевые роды проводили зиму в местах, которые служили подходящим для них убежищем от метелей. Обычно такие места окружались земляными насыпями и назывались зимовками. Каждая семья имела свои юрты,

причем, по словам К. К. Палена, каждая женщина имела право на собственное жилье. Зимой скот свободно пасся в полях, питаясь тем, что сможет выковырять из-под снега. Однако, как вспоминал Пален, казахи все-таки начали вводить в практику заготовку сена для скота. С наступлением весны они высевали небольшое количество овса, которого хватало для личного потребления. Орошали поля с помощью небольших каналов, отведенных от ручьев, сбегавших с ближайших холмов. Так продолжалось до тех пор, пока солнце не сожжет всю траву, которой питался скот. Как только наступало это время, казахи откочевывали на север, пока не находили новое цветущее место. И этот процесс занимал все лето [17, с. 206—207].

Возвращаясь к описанию своего путешествия, Пален упомянул о встрече с Юлдаш-шай, главой джаркентских таранчей [17, с. 208]. Тот накормил сенатора великолепным обедом в большой шелковой палатке. На столе на четырех ногах стояла зажаренная овца, приготовленная в тандыре. После приветственных речей и чая, Юлдаш достал свой ятаган, умелыми движениями разрезал животное и с поклоном передал еду гостям. Внешний вид хозяина также хорошо запомнился графу. Он был одет в опускавшийся до бедер короткий жилет из коричнево-золотого китайского шелка, в шелковые белые мешковатые штаны и большой шарф. Его головной убор желтого цвета из соболя был похож на фризский (голландский) аналог [17, с. 209].

Следует обратить внимание на описание киргизской женщины, представленное Паленом во фрагменте воспоминаний, относящихся к посещению окрестностей озера Иссык-Куль. Во-первых, он отмечает различие между киргизками, туркменками и сартянками. Оно заключается в том, что первым не запрещалось разговаривать с незнакомцами. Они носили большой белый тюрбан, свободный шерстяной халат с широкими рукавами, опускающимися до колен, мешковатые штаны до щиколоток, а также кожаные сапоги [17, с. 223].

Находясь в одной из деревень недалеко от реки Чу, Пален узнал о том, что местные жители собирались зажарить овцу в честь сенатора и его соратников. Потому он решил отобедать, предварительно послав киргиза и одного из своих джигитов на поиски пищи. Вскоре те с успехом возвратились. Наливая горячий чай и кофе из холодной емкости (термоса), Пален немало удивил собравшуюся поглазеть толпу местных. Когда обстановка стала комфортнее, вопросы посыпались один за другим: «Где вы нашли эти шайтанские бутылки?», «Что это за смешные сапоги до колен надеты на вас? Сколько вы заплатили за них?», «Сколько стоят ваши часы?», «Сколько вы отдали за золотой портсигар?». Ответом на последний вопрос стала цифра в 400 руб. Один из киргизов с удивлением заметил, что за эти деньги он мог бы купить себе двух жен. «Каждый из объектов, очевидно, оценивался в женах», — заметил в мемуарах сенатор [17, с. 224].

Развивая эту тему, Пален спросил нескольких женщин, которые присутствовали на обеде, какой размер калыма был выплачен за них? Ответы были разными. Например, за одну из них заплатили четырнадцать овцами [17, с. 224]. Далее сенатор проанализировал сам концепт калыма. Он подчеркнул, что для западного человека это явление омерзительно. Дочь являлась гарантированным источником дохода для главы семейства. Идея о приданом даже не рассматривалась нигде в степи. Мужчина был обязан купить свою жену. Если у него не было возможности сделать это единовременным платежом, то он мог взять свою невесту в рассрочку. В случае смерти мужа право на жену переходило к его брату, дяде или тому, кто принимает обязательства умершего о выплате долга (обязательно лицу мужского пола) [17, с. 226]. Согласие женщины даже не спрашивалось.

Сенатор отметил, что споры из-за выплаты калыма приводили к обращениям в суды, которые так или иначе были подконтрольны российской администрации. И это оказыва-

лось местом столкновения европейского и азиатского образов мышления. Здесь Пален позволил себе указать на то, что с приходом России европейский концепт утвердился где было возможно [17, с. 228].

Частный опыт чиновника сложно отделить от служебного. Однако представляется, что он имел место и выделяется не только сюжетной ограниченностью, но и особой эмоциональной акцентуацией. К. К. Пален в своих мемуарах показывает удивление, которое вызвало у него близкое знакомство с культурой казахов, разительно отличающейся от европейского быта. И хотя в этом нет пренебрежительного отношения к кочевникам, его восприятие местного общества, его традиций и обычаев выглядит вполне ориенталистски, подчеркивая цивилизационную разницу Запада и Востока с явно читаемым превосходством первого.

Образ Семиречья: коллективное восприятие

В мемуарах сенатора Палена как представителя российской интеллигенции мы встречаем не только его собственное восприятие Востока, но и замечания о том, как регион воспринимали другие (относительно массовые) имперские чиновники. Так, он вполне однозначно заявил, что чиновники Переселенческого управления приезжали в Туркестан с предрассудками в отношении местного административного аппарата. Они быстро наживали себе врагов среди местного чиновничества, хвастаясь своими связями в столице. Их приезд негативно сказывался и на местном населении. Привыкшие к баснословным тратам и изнеженные столичной обстановкой, чинуши несли вместе с собой неизбежное повышение поборов с населения. Кроме того, для представителей европейской цивилизации они вели себя, по словам Палена, неподобающе: «...дебоширили в концертных залах, ресторанах, гостиницах...» [17, с. 182].

Вполне очевидно, что коллективное восприятие региона и его населения передавалось Палену вместе с ретроспективой событий, свидетелем которых он сам быть не мог. Сенатор отметил в своих мемуарах, что свою роль в интенсификации переселенческой политики сыграла революция 1905 г. К тому времени Туркестан уже доказал свое положение как богатого ресурсами и возможностями региона. К тому же недавно построенная железнодорожная ветка Оренбург — Ташкент способствовала притоку переселенцев. Из столицы пришла команда: «Землю — переселенцам» [17, с. 183]. Но новые переселенцы, по словам Палена, создавали намного больше проблем, чем местные жители. Последние, как покорные и рабоподобные, были несравнимы со свободномыслящими русскими, чьи постоянные требования и жалобы были источником неприятностей.

К разряду коллективного в воспоминаниях К. К. Палена можно отнести и его описания туркестанских городов. В этом, несомненно, можно усмотреть коллективную оценку европейцами местной действительности. Тем более что тому есть подтверждения со стороны современников сенатора, занимавших практически равное с ним положение.

В воспоминаниях Палена мы встречаем город Чимкент. Неглубоким потоком воды, стекавшим с вершин Каратау, этот город делился на две части: русскую и туземную. Вторая часть города была полна мечетей, минаретов, улиц с глухими стенами домов. Был и базар, который, по словам сенатора, представлял собой еще одну узкую улочку, над которой была перекинута соломенная крыша. С обеих сторон этой улицы было выложено подобие возвышающихся ступеней, на которых продавцы и выкладывали свой товар. На всем ее протяжении бесконечным потоком слонялись верблюды, ослы и крупный рогатый скот. Мужчины заезжали сюда верхом, а женщины довольно скрытно перемещались вдоль стен, нередко ведя с собой детей. Пол зачастую был устлан коврами, на них сидели скрестив ноги торговцы и обсуждали последние сплетни, которые узнавали в расположенной здесь же чайхане [17, с. 189].

А вот европейский квартал, который называли русским городом, напротив, разрезали широкие аллеи, посаженные тополями. По обочинам улиц несли свою воду небольшие арыки. На углу каждой улицы можно было арендовать дрожки. В центре города стояло большое двухэтажное строение, в котором размещался уездный начальник и администрация. Местные просители, ожидающие свою очередь на прием, отдыхали прямо на ступенях, а казахские джигиты, привязав коней к деревьям, сидели поодаль в тени. На главной улице располагалось множество магазинов, привлекавших своими разнообразными вывесками. Придя в расположенные неподалеку общественные парки, местный житель или гость Чимкента мог увидеть степь, которая начиналась за городской чертой, а также редколесный склон Каратау. Большинство домов европейского типа снимали военные в отставке. Местное общественное собрание представляло собой досуговое место, где люди до раннего утра пели, выпивали, играли в карты и развлекали себя всеми доступными способами.

О своеобразии туркестанских городов вспоминал и И. Васильчиков: «Город Ташкент, как и все сколько-нибудь значительные города в Туркестане, состоял собственно из двух городов: русского и туземного, так как русские, по замирению края, оставили туземные города в неприкосновенности, в них селились и строили свои города рядом с ними. То же делали и англичане в Индии. Русский Ташкент производил самое приятное впечатление. Все широкие улицы обсажены деревьями, вдоль этих деревьев текут оросительные арыки, вообще масса зелени. Дома в редком случае двухэтажные, а большей частью одноэтажные. На главных улицах хорошие магазины, несколько небольших, но вполне приличных гостиниц и ресторанов. Его можно было бы принять за красивый южный русский губернский город, если бы не встречающиеся на улицах туземцы в пестрых халатах и их женщины в одноцветных, преимущественно черных, одеяниях, напоминающих чехлы и совершенно их закрывающих, причем не видно даже глаз, прикрытых густой сеткой из конского волоса.

Совершенно другой характер носил непосредственно к нему примыкающий большой туземный город с населением свыше ста тысяч человек. Как и все такие города в Туркестане, это скученная масса глинобитных плоскокрыших невысоких домов с такими же стенами, окружающими внутренние двory. Улочки чрезвычайно узки, так что двум арбам трудно разъехаться. Ближе к базарной центральной площади в каждом доме открытая с улицы лавка или ремесленная мастерская, в которой на глазах у проходящих исполняются все работы. Лавки чередуются: в одних продаются всякие туземные изделия и фрукты, другие заполнены дешевым русским товаром. Много харчевен, где тут же на глазах варится и жарится всякая туземная еда, и местных чайных домов «чай-хане», любимого местопребывания туземцев, где на высоком помосте на коврах и подушках они часами сидят, попивая чаек из чашек без ручек и обсуждая всякие базарные новости. На улицах масса движения, в котором русских попадает очень мало. В общем, та же картина во всех городах Туркестана» [3, с. 61—62].

Прекрасное описание двух миров, которое зримо проводит цивилизационную границу между русскими и «туземцами». Но при этом не унижает местную культуру, а только подчеркивает ее инаковость. Таким образом, и в массовом восприятии российской интеллигенции Туркестанский край выглядел как незнакомая, чужая цивилизационная реальность, не только разнящаяся с привычными представлениями европейцев, но и открывающая невиданные для европейца перспективы к карьерному росту, праздности и обогащению.

Выводы

Воспоминания сенатора К. К. Палена о Семиреченской области дают нам возможность увидеть степную часть Туркестанского генерал-губернаторства глазами ответственного

столичного чиновника, путешественника и одного из представителей российской читающей публики. Каждый из этих трех ракурсов вносит свой оттенок в восприятие региона. И хотя в мемуарах ревизирующего сенатора доминирует взгляд высокопоставленного инспектора, все три составляющие образа степной области вполне укладываются в ориенталистский концепт, которым руководствовалось российское правительство, планируя и осуществляя в Туркестанском крае преобразования, которые должны были приблизить его к положению внутренних губерний империи. Представления просвещенной части российского общества о Центральной Азии часто были далеки от реальности, искажали последствия европейского вмешательства во внутреннюю жизнь региона, но именно они определяли характер цивилизационных преобразований в нем.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00078 «Политика Российской империи в Центральной Азии. Конец XIX — начало XX века».

Список использованных источников и литературы

1. Бочкарева И. Б. Ташкентская железная дорога: по материалам ревизии сенатора К. К. Палена // Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина : сб. науч. статей Всерос. науч. конф. / под ред. В. А. Скубневского, Д. С. Боброва. СПб. : Азбука, 2019. С. 62—66.
2. Васильев Д. В. Классический пример ориентализма. Мемуары К. К. Палена как взгляд высокопоставленного чиновника на миссию России в Туркестанском крае [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 4 (28). С. 87—100. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/8_28_2018.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.28.8.
3. Васильчиков И. С. То, что мне вспомнилось...: Воспоминания кн. Илариона Сергеевича Васильчикова: Из архива семьи Васильчиковых. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 189 с.
4. Дмитриев С. В. Материалы ревизии сенатора К. К. Палена по традиционному семейному праву казахов конца XIX — начала XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2006. Т. 5, № 3-S1. С. 123—139.
5. Егоренко О. А. Мемуарная литература как источник изучения истории наступления России на Бухарский эмират // Школа университетской науки: парадигма развития. 2010. Т. 2, № 1 (1). С. 211—214.
6. Козельчук Т. В. Рефлексия российского чиновника (по мемуарной литературе XIX — начала XX века) // Емельяновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган : Курган. гос. ун-т, 2009. С. 158—159.
7. Котюкова Т. В. Окраина на особом положении... Туркестан в преддверии драмы. М. : Научно-политическая книга, 2016. 391 с.
8. Любичанковский С. В. Сенаторская ревизия Туркестанского края в 1908—1909 гг. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 127—132.
9. Махмудова Н. Б. Воспоминание царского сенатора К. К. Палена о Бухаре // Россия — Узбекистан. Международные образовательные и социально-культурные технологии: векторы развития : сб. материалов междунар. науч. конф. / под общ. ред. В. Я. Рушанина ; сост. Б. С. Сафаралиев. Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2019. С. 45—49.
10. Махмудова Н. Б. Мемуары К. К. Палена «Миссия в Туркестане 1908—1909 гг.» // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 72—80.
11. Махмудова Н. Б. Сенаторская ревизия графа К. К. Палена в Туркестане: причины, ход, последствия // Метаморфозы истории. 2016. № 7. С. 134—150.
12. Почекаев Р. Ю. Записки путешественников как источник по истории государства и права Центральной Азии XVIII — начала XX века // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 21—31.
13. Смирнов С. Н., Любина Т. И. Документы личного происхождения как часть источниковой базы исследования правового статуса индивида и социальных групп в России (на примере материалов XVII—XIX вв.) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Право. 2014. № 4. С. 263—273.
14. Эркинов А. С. Узбекско-татарские связи в сфере образования (по воспоминаниям М. Мухаммаджанова, 1908—1910 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья / Ин-т истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан. 2019. Т. 2, № 9. С. 41—47.

15. Янченко Д. Г., Андреев А. А. Тезисы всеподданнейшего отчета сенатора К. К. Палена о ревизии в Туркестане: от черновых записок к заседанию Совета министров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 11-2. С. 29—36.
16. Morrison A. Creating a Colonial Shari'a for Russian Turkestan: Count Pahlen, the Hidayat and Anglo-Muhammadan Law // Imperial Co-operation and Transfer, 1870—1930: Empires and Encounters / ed. by V. Barth, R. Cvetkovski. London : Bloomsbury Publishing, 2015. P. 127—149. DOI: 10.5040/9781474256100.
17. Pahlen K. K. Mission to Turkestan: Being the Memoirs of Count K. K. Pahlen. 1908—1909 / ed. by R. A. Pierce. London : Oxford University Press, 1964. 238 p.
18. Said E. W. Orientalism. New-York : Vintage books, Cop. 1978. 368 p.

Поступила в редакцию 24.10.2020

Васильев Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
E-mail: dvvasiliev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6616-0646

Мазаев Никита Андреевич, студент
Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
E-mail: mazaev-nikita14@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0615-8987

UDC 94(47+57)“19”

D. V. Vasiliev
N. A. Mazaev

Semirechye province through the eyes of an imperial official: state, social and private aspects in the memoirs of K. K. Pahlen

The main source of the article is the memoirs of Senator K. K. Pahlen, who personally toured the Turkestan Territory at the end of the first decade of the twentieth century. The use of the document allows to imagine the point of view from which high-ranking Russian officials evaluated the region, its inhabitants, the results of the implemented transformations and plans for further modernization of the region. The territorial scope of the study is limited to the province of Semirechye, inhabited by the nomadic population, the description of which clearly shows the orientalist view of the authors of the memoirs, which does not leave an opportunity for an objective perception of the realities of the Russian East. The analysis of documents in three aspects (official, individual and collective) proves the prevalence of orientalist concept in the minds of high-ranking Russian officials when planning and implementing transformations aimed at the full assimilation of Turkestan by the Russian Empire.

Key words: Semirechye, orientalism, Central Asia, Russian Empire, K. K. Pahlen, memoirs, Kazakhs.

Vasilyev Dmitry Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Moscow City Pedagogical University
Russian Federation, 129226, Moscow, 2 Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 4
E-mail: dvvasiliev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6616-0646

Mazaev Nikita Andreyevich, Student
Moscow City Pedagogical University
Russian Federation, 129226, Moscow, 2 Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 4
E-mail: mazaev-nikita14@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0615-8987

References

1. Bochkareva I. B. Tashkentskaya zheleznaya doroga: po materialam revizii senatora K. K. Palena [Tashkent railway: based on the materials of the revision of Senator K. K. Pahlen]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Dvenadtsatye nauchnye chteniya pamyati professora A. P. Borodavkina: sbornik nauch. statei Vseros. nauch. konf.* [Urgent problems of the history of Siberia. 12th scientific readings in memory of professor A. P. Borodavkin. Proceed. of All-Russia sci. conf.]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2019, pp. 62—66. (In Russian)
2. Vasil'ev D. V. Klassicheskii primer orientalizma. Memuary K. K. Palena kak vzglyad vysokopostavlenno go chinovnika na missiyu Rossii v Turkestanskom krae [A classic example of Orientalism. Memoirs of K. K. Pahlen as a view of a high-ranking official on the mission of Russia in the Turkestan region]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2018, no. 4 (28), pp. 87—100. Available at: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/8_28_2018.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2018.28.8. (In Russian)
3. Vasil'chikov I. S. *To, chto mne vspomnilos'...*: *Vospominaniya kn. Ilariona Sergeevicha Vasil'chikova: Iz arkhiva sem'i Vasil'chikovykh* [What I Remember...: Memoirs of the Prince Ilarion Sergeevich Vasilchikov: From the archive of the Vasilchikov family]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2002. 189 p. (In Russian)
4. Dmitriev S. V. Materialy revizii senatora K. K. Palena po traditsionnomu semeinomu pravu kazakhov kontsa XIX — nachala XX veka [Materials of the audit of Senator K. K. Pahlen on the traditional family law of Kazakhs of the late 19th — early 20th centuries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya — Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2006, vol. 5, no. 3-S1, pp. 123—139. (In Russian)
5. Egorenko O. A. Memuarnaya literatura kak istochnik izucheniya istorii nastupleniya Rossii na Bukharskii emirat [Memoir Literature as a Source for Studying the History of the Russian Offensive on the Bukhara Emirate]. *Shkola universitetskoi nauki: paradigma razvitiya*, 2010, vol. 2, no. 1 (1), pp. 211—214. (In Russian)
6. Kozel'chuk T. V. Refleksiya rossiiskogo chinovnika (po memuarnoi literature XIX — nachala XX veka) [Reflection of a Russian official (based on memoirs of the 19th — early 20th centuries)]. *Emel'yanovskie chteniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Yemelyanov readings. Proceed. of the All-Russia sci.-pract. conf.]. Kurgan, Kurgan. gos. un-t Publ., 2009, pp. 158—159. (In Russian)
7. Kotyukova T. V. *Okraina na osobom polozhenii... Turkestan v preddverii dramy* [Outskirts in a special position... Turkestan on the eve of the drama]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga Publ., 2016. 391 p. (In Russian)
8. Lyubichankovskii S. V. Senatorskaya reviziya Turkestanskogo kraja v 1908—1909 gg. [Senatorial revision of the Turkestan Territory in 1908—1909]. *Voprosy istorii*, 2015, no. 1, pp. 127—132. (In Russian)
9. Makhmudova N. B. Vospominanie tsarskogo senatora K. K. Palena o Bukhare [Reminiscences of Tsarist Senator K. K. Pahlen of Bukhara]. *Rossiya — Uzbekistan. Mezhdunarodnye obrazovatel'nye i sotsial'no-kul'turnye tekhnologii: vektory razvitiya: sbornik materialov mezhdunar. nauch. konf.* [Russia — Uzbekistan. International educational and socio-cultural technologies: vectors of development. Proceed. of International sci. conf.]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. in-t kul'tury Publ., 2019, pp. 45—49. (In Russian)
10. Makhmudova N. B. Memuary K. K. Palena “Missiya v Turkestane 1908—1909 gg.” [The memoirs of Konstantin K. Pahlen “Mission to Turkestan, Being the Memoirs of Count K. K. Pahlen, 1908—1909”]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' — Vostok (Oriens)*, 2017, no. 3, pp. 72—80. (In Russian)
11. Makhmudova N. B. Senatorskaya reviziya grafa K. K. Palena v Turkestane: prichiny, khod, posledstviya [Senators' audit of count K. K. Pahlen in Turkestan: reasons, implementation, results]. *Metamorfozy istorii*, 2016, no. 7, pp. 134—150. (In Russian)
12. Pochekaev R. Yu. Zapiski puteshestvennikov kak istochnik po istorii gosudarstva i prava Tsentral'noi Azii XVIII — nachala XX veka [Travelers' notes as historical evidence of the state and law in Central Asia of XVIII — early XX centuries]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. Kanta. Ser. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki — IKBFU's Vestnik. The Humanities and Social Sciences*, 2018, no. 2, pp. 21—31. (In Russian)
13. Smirnov S. N., Lyubina T. I. Dokumenty lichnogo proiskhozhdeniya kak chast' istochnikovoi bazy issledovaniya pravovogo statusa individa i sotsial'nykh grupp v Rossii (na primere materialov XVII—XIX vv.) [Documents of personal origin as part of the source base of a study of the legal status of individual and social groups in Russia (by the example of XVII—XIX centuries)]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo — Herald of TvSU. Series: Law*, 2014, no. 4, pp. 263—273. (In Russian)
14. Erkinov A. S. Uzbeksko-tatarskie svyazi v sfere obrazovaniya (po vospominaniyam M. Mukhammadzhanova, 1908—1910 gg.) [Uzbek-tatar relations in the field of education (according to the memoirs of M. Mukhammadzhanov, 1908—1910)]. *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya*, 2019, vol. 2, no. 9, pp. 41—47. (In Russian)

15. Yanchenko D. G., Andreev A. A. Tezisy vsepoddanneishego otcheta senatora K. K. Palena o revizii v Turkestane: ot chernovykh zapisok k zasedaniyu Soveta ministrov [Abstracts of the most recent report of Senator K. K. Pahlen on the audit in Turkestan: from draft notes to the meeting of the Council of Ministers]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2018, no. 11-2, pp. 29—36. (In Russian)
16. Morrison A. Creating a Colonial Shari'a for Russian Turkestan: Count Pahlen, the Hidayat and Anglo-Muhammadan Law. *Imperial Co-operation and Transfer, 1870—1930: Empires and Encounters*. Ed. by V. Barth, R. Cvetkovski. London, Bloomsbury Publishing, 2015, pp. 127—149. DOI: 10.5040/9781474256100.
17. Pahlen K. K. *Mission to Turkestan: Being the Memoirs of Count K. K. Pahlen. 1908—1909*. Ed. by R. A. Pierce. London, Oxford University Press, 1964. 238 p.
18. Said E. W. *Orientalism*. New-York, Vintage books, Cop. 1978. 368 p.